

1. Можно ли считать Кодекс династии Тан и Танские уголовные установления с разьяснениями первым законодательным оформлением борьбы с коррупцией в Китае? Или до этого что-то еще принималось?

Китай — это страна, в которой в силу исторических и главное, природных условий, очень рано и очень интенсивно стало развиваться государственное управление экономикой или, по крайней мере, государственное регулирование экономики. А такое управление и такое регулирование государству нечем осуществлять, кроме как посредством бюрократии. Китайский опыт уникален. Видный западный синолог Харли Крил еще полвека назад отмечал, что «В куда большей степени, чем Римская империя, и больше, чем любое сопоставимое государство вплоть до нашего времени, Китай управлялся централизованным бюрократическим правительством» и что «Уже в начале христианской эры китайская империя демонстрировала многие черты современных сверхдержав двадцатого столетия». Одна из таких черт — это доминирование штатных управленцев со всеми присущими ему достоинствами и недостатками. К числу практически неотъемлемых достоинств бюрократии является ее безоговорочное подчинение высшей власти, что дает этой власти возможность быстро и одновременно предпринимать по всей стране необходимые для решения неких насущных задач разнообразные, продуманные и скоординированные усилия. К числу таких же неотъемлемых недостатков — имманентно присущая положению управленца возможность использовать в личных и корыстных целях свои общественные функции, вверенные ему правительством ради достижения общего блага.

Конечно, Китай столкнулся с этой квадратурой круга гораздо раньше, чем к власти пришла великая династия Тан — а произошло это в 618 году нашей эры. Это, например, ощутил еще знаменитый владыка Пань-гэн, правивший, как традиционно считается, между 1401 и 1374 гг. до н. э., когда его звать, заботясь лишь о привычном образе жизни и пусть бесперспективном, но зато бесхлопотном существовании, оказала сопротивление его прозорливой идее переселения на другой берег Хуанхэ. Пань-гэн в своей знаменитой речи (впрочем, возможно, лишь легендарной либо вложенной в его уста много позже) объяснил косность, недалекость и своеволие элиты простой корыстью. Его упрек однозначен: «Вас... не заботит то, что изнуряет мое сердце... Ваши помыслы недалекие, и поэтому вы не способны

подумать о бедах... Ныне у вас есть только сегодняшний день и нет будущего... Вы, мои чиновники, ведущие дела по управлению страной и разделяющие со мною власть, в алчности своей лишь собираете раковины и нефрит». Именно раковины и нефрит служили в ту пору универсальными средствами обмена. То есть даже денег, собственно, еще не было — а корыстолюбие и мздоимство управленцев уже было.

После открытия такого могучего средства регулирования человеческого поведения, как писаное право и уголовные законы, по мере набора опыта по его применению китайские власти, конечно, предпринимали постоянные и разнообразные попытки оставить в неприкосновенности и даже оптимизировать лучшие качества бюрократии, устранив или хотя бы минимизировав худшие. Каждая такая попытка предпринималась на том уровне понимания сути явления, какой на данный момент был достигнут, и в рамках тех культурных представлений, какие в данный момент существовали. Поначалу ставка делалась на прямой силовой диктат: казалось, что одними лишь наказаниями за нарушение сконструированных для пользы государства запретов и поощрениями за соблюдение сконструированных для пользы государства норм можно будет полностью подчинить служилого человека. При знаменитом Цинь-ши хуанди в Китае было построено общество диктатуры закона. Практика показала, что это — утопия, причем одна из наиболее кровавых. Конфуцианство восторжествовало в Китае, в частности, потому, что смогло предложить максимально на тот момент эффективную модель бескорыстной государственнической морали. А только господство такой морали в обществе единственно способно свести недостатки бюрократии к минимуму, а достоинства — поелику возможно подкрепить и вооружить смыслом.

Однако, как бы сильна ни была мораль, всегда есть место для сбоев в ее соблюдении. Поэтому уголовное право в Китае всегда уделяло особое внимание чиновничьей этике. Конфуцианизированное право Китая всегда стояло на страже именно тех ценностей, которые воспитывали хорошего, надежного члена общества и которые попутно обеспечивали добросовестное выполнение управленцем своих обязанностей. Уголовные нормы такого рода созревали постепенно и входили в кодексы законов постепенно. К сожалению, проследить этот процесс во всех подробностях мы не можем, потому что эти самые кодексы, относящиеся к династиям более ранним, нежели Тан, не дошли до наших дней. Судя по описаниям уголовных наказаний из династийных китайских хроник — своего рода энциклопедий жизни

каждой династии, в обязательном порядке создававшихся каждой последующей династией о своей предшественнице, — многие законы, вошедшие в уголовный кодекс династии Тан в том или ином виде существовали уже за несколько веков до этого. Законы из не дошедшего до нас кодекса династии Суй, которая непосредственно предшествовала Тан, в основных своих подходах и нормах практически не отличались от танских. Но удача китаеведения состоит в том, что именно текст кодекса династии Тан — династии великой, если не величайшей за всю историю имперского Китая, при которой был подведен определенный итог всему предшествовавшему развитию страны и дан эталон на все оставшиеся до падения империи полторы тысячи лет — уцелел и дошел до нас. Именно по нему мы можем проследивать теперь все ухищрения китайских законодателей в их нескончаемом и великом бою с тенью — попытках сделать бюрократию благом без зла.

2. Какое предусматривалось наказание за так называемый "выкуп законных прав"?

«Выкуп законных прав» — это очень модернизированное понятие. Я лишь с определенной долей вероятности предположил, что именно это современное явление могло стоять за тем, что в танском уголовном праве называется взяткой без нарушения закона. Китайское право различало две взятки — взятка с последующим нарушением закона в пользу взяткодателя и взятка без такого нарушения. Вторая наказывалась тоже сурово, но все же значительно мягче первой. Если не предположить, что именно за взяткой без нарушения закона стоит то, что мы ныне называем «выкупом законных прав», становится не очень понятно, какие именно преступления под эту рубрику подходили. Зачем давать чиновнику взятку, если он потом ничего не делает в твою пользу? Если он не нарушает закон в твою пользу? А вот зачем — чтобы то, что и так по закону тебе положено, оказалось превращено в жизнь, реализовано на практике. Не подмажешь — не поедет. По закону-то тебе положена, например, льгота. Или некий земельный участок. А вот пока тот, от кого зависит реальное «включение» этого закона, не получит от тебя чего-то приятного или блестящего, закон остается на бумаге, а бумагой сыт не будешь. Вот и получалось: взятка дана, а закон не нарушен. Закон всего лишь соблюден — но при этом взятка-то все же дана. Поэтому отправной точкой для определения тяжести наказаний за подобные преступления была

взятка с нарушением закона — но наказание, определенное по предусмотренным для нее нормам, следовало определенным образом смягчать, потому что хотя чиновник в результате преступления обогатился незаконным образом, законы государства не были нарушены и тот, кому что-то полагалось по закону, именно это и получил, а несправедливость не возникла. Строгость же конкретного наказания за взятку рассчитывалась соответственно ее величине. Скажем, если дано было ценностей на 20 штук шелка (шелк был принят в танское время в качестве универсального эквивалента, а относительно его покупательной способности можно сказать, что один день найма человека для исполнения каких-то работ в среднем стоил приблизительно одну тринадцатую часть штуки шелка), то чиновнику, если то была взятка с нарушением закона, полагалось 2,5 каторжных работ. Если же закон по получении взятки не был в пользу взяткодателя нарушен — наказание равнялось уже лишь 1,5 годам каторги.

3. В своей статье вы говорите о двух видах смертной казни - удушении и обезглавливании. А второе, то есть обезглавливание, за что полагалось?

Обезглавливание считалось более суровым видом смертной казни скорее по культурным, нежели по естественнонаучным соображениям. Не уберегший своего тела, рожденного родителями, проявлял таким образом страшную непочтительность по отношению к отцу и матери, живым или уже почившим — а для воспитанного в традиционных представлениях правоверного китайца осознавать такое было невыносимо. Да и самого расчлененного на том свете ждали не столь гостеприимно, как пусть удушенного, но все ж таки целенького; существует много вариантов представлений, как и почему именно безголовому в загробном царстве особенно несладко. Если говорить об имущественных преступлениях, то обезглавливанием наказывались только те из них, что были совершены с применением прямого насилия. Например, грабитель, убивший свою жертву, вне зависимости от размера добычи подлежал обезглавливанию. Ровно так же следовало наказывать грабителя, который, пусть и не убил свою жертву и пусть и не получил материальных выгод, но нанес жертве ранение, применив при попытке ограбления боевое оружие. За исключением этих двух случаев корыстолюбу не грозило лишиться головы, на сколько бы он в результате своих преступных действий ни обогатился. А вообще обез-

главливанию применялось довольно широко. Например, обезглавливанию подлежал военный начальник за самовольный отпуск подчиненного ему бойца из армии, находящейся в ситуации боевого соприкосновения с противником. Обезглавливанием наказывалось взятие людей в заложники с целью чего-либо избежать либо чего-либо добиться или подделка императорских печатей. Ну, и, разумеется, такие вопиющие злодеяния, как убийство старшего родственника. И, конечно, многие антигосударственные преступления.

4. Как рассудила история – оправдали ли себя меры борьбы с коррупцией, которые применялись в Китае во время правления династии Тан?

Насколько удалось искоренить это явление с течением времени? По Вашей оценке, как у них сейчас с этим обстоят дела?

Человеческая природа неизменна, и ни один ее недостаток не может быть отменен ни религией, ни моралью, ни страхом сколь угодно суровой кары. Речь может идти лишь о более или менее успешном обуздании негативных свойств этой природы при полном сохранении и даже стимулировании позитивных. Впрочем, этот разговор неизбежно выведет нас на попытки понять, что и когда в человеке хорошо, а что и когда — плохо, а эти попытки потребуют отдельного разбирательства. Сейчас, например, довольно распространена точка зрения, согласно которой хорошо то, что хорошо для отдельного человека, а интересами государства в виду индивидуального блага смело можно и даже нужно пренебречь. Это, мол, и есть свобода. Если же кто-либо начинает ставить интересы общего выше интересов частного — это, мол, нарушение прав человека и тоталитаризм. Каждая самостоятельная культура с разной степенью успеха нащупывает баланс между общественным и личным. В Китае областью наиболее успешного поиска стала семья. Человек в поте лица старается «все в дом, все в дом» — и знает, что работает на благо своей страны; человек живота не щадит ради страны, и знает, что этим он делает как нельзя лучше собственной любимой семье. Такой подход отнюдь не исключает стремления к прижизненному успеху. Напротив, кто преуспел, кто разбогател не по годам или выбился в министры, тот явно сполна выполняет долг сыновней почтительности: всем показывает, что папа с мамой у него — ого-го! Правильно его родили и отменно воспитали, стало быть, сами были просто замечательные. И, с другой стороны,

опять-таки именно тот, кто больше преуспел, тот больше стране пользы приносит — ведь миллионы-то мои в ней, в стране, крутятся, а за это я еще больше ее люблю, просто-таки бескорыстно обожаю.

Судя по тому, как долго и успешно, несмотря на все гримасы истории, существует китайская государственность, судя по тому, какой мощью и какой успешной передачей от поколения к поколению может похвастаться китайская культура — в целом, в среднем, в основном ее способы оптимизации управленческого аппарата демонстрируют чрезвычайно высокую эффективность. Китайцы до сих пор могут позволить себе расстреливать крупных коррупционеров без риска перестрелять все трудоспособное население страны.

5. Как Вы считаете, какие элементы китайского подхода к борьбе с коррупцией могла бы позаимствовать современная Россия?

Прежде всего нам пора наконец понять, что «элементы» заимствовать бессмысленно, невозможно и даже пагубно, ибо такое заимствование сродни безграмотной трансплантации — пересаженный орган отторгается и вызывает еще худшее недомогание, чем то, что было до пересадки. Чуть ли не все силы организма начинают расходоваться не на борьбу с болезнью, а на борьбу с пересаженным органом. Можно надеть футболку с надписью «I love NY» или халат с драконами, но нельзя надеть американскую или китайскую систему мотиваций. выходи лишь в том, чтобы ухитриться модернизировать и использовать с максимальной эффективностью свою собственную мотивационную симфонию — ту, которую выработали и сформировали века твоей собственной истории. Если это не получится — тогда ничего не получится. Пример Китая, пожалуй, ценен вот чем: он как нельзя лучше показывает, что на сакраментальный вопрос «Кто будет контролировать контролирующих?» еще ни одна культура мира не смогла дать более реалистичного ответа, нежели тот, что выглядит самым идеалистичным: совесть. Свобода — это возможность поступать по совести. Совесть — это культурное программирование (даже если полагать, что это — голос Бога внутри нас, все равно Бог разговаривает с нами не столько сам, сколько через массив культуры, которая из религии выросла). Культура — это всегда то или иное оправдание коллективизма, то или иное освящение неких неоспоримых, априорных обязанностей людей по отношению друг к другу. Что-то нужно делать не потому, что это приятно, не потому, что это выгодно, не потому, что

если не сделаешь, то накажут, а просто потому, что это — нужно делать; если не сделаешь, на душе кошки скребут, тоска, от себя тошно. Нет культуры — нет совести. Нет совести — нет свободы. Остается лишь иступленное самодурство насмерть перепуганной бессмысленностью и мимолетностью своего бытия маленькой твари, все душевные потуги которой крутятся вокруг одного: хоть бы меня заметили, тогда, может, я все-таки есть.

Главным средством культурного индоктринирования являются идеологии. Их все можно — весьма грубо, конечно — подразделить на мобилизационные и демобилизационные. Мобилизационные идеологии могут быть самыми разными, от конфуцианства до коммунизма. Их роднит предпочтение государственного личному, культ долга и самопожертвования, верности общим ценностям, равнодушия к материальным благам. С этими идеологиями общества творят свою историю, делают великие дела, приносят великие жертвы и достигают великих результатов.

Демобилизационные тоже могут быть самыми разными, от даосизма (особенно в стиле Чжуан-цзы) до либерализма. И у них масса общего: каждый сам по себе, ничего определенного нет, философу ли снится, что он бабочка, или бабочке снится, что она философ — не поймешь, да и не надо; ничего единого на всех не существует, а те, кто пытаются навязать нам общие ценности — кровопийцы, ведь общие ценности — это кровавые мифы, заглушающие голос Дао, лишаящие людей интуиции, внутреннего света, инициативы и кругозора, лишаящие свободы. А бойтесь единственно только того, кто скажет: «Я знаю, как надо!»...

С этими идеологиями результаты великих дел проедаются.

Опыт Китая помогает понять то, что лишь мобилизационные идеологии могут одухотворять бюрократию. Лишь они с большим или меньшим успехом обеспечивают ее бескорыстие, порядочность и целеустремленность, а тем самым — эффективность. Лишь такого рода идеологии способны формулировать смыслообразующие задачи, решение которых требует предельного проявления лучших человеческих качеств. Бывают исторические периоды, когда мобилизационная идеология начинает восприниматься как оправдание тирании и отторгаться. Но именно она, эта идеология обеспечивает приток в бюрократию хотя бы минимально необходимого количества искренних, жертвенных государственныхников, а остальных управленцев хоть как-то держит в узде; победа над идеологией сразу вызывает еще худшую тира-

нию — разгульный, уже окончательно бессовестный произвол неистово обогащающейся бюрократии и связанных с нею групп под видом наконец-то воцарившейся свободы. Можно сказать, что государство, обреченное на высокую степень огосударствления экономики, всегда является заложником действенности принятой в нем мобилизационной идеологии. Не могу отделаться от впечатления, что современные китайцы, опытом которых нам так свойственно теперь интересоваться, именно на нашем опыте это очень хорошо усвоили.